

ДЕТЕКТИВ-**Н**ОСТАЛЬГИЯ

УБИЙСТВО.

Дубль первый

Полное
погружение
в атмосферу
эпохи 80-х

ВАЛЕРИЙ
ШАРАПОВ

Детектив-Ностальгия

Валерий Шарапов

Убийство. Дубль первый

«ЭКСМО»

2026

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Шарапов В. Г.

Убийство. Дубль первый / В. Г. Шарапов — «Эксмо»,
2026 — (Детектив-Ностальгия)

ISBN 978-5-04-255112-3

Ностальгия по временам, уже успевшим стать историей. Автор настолько реально описывает атмосферу эпохи и внутреннее состояние героев, что веришь ему сразу и безоговорочно. Конец восьмидесятых. Размеренную жизнь подмосковного санатория нарушает приезд киногруппы, снимающей детектив. Однако криминальная завязка случается еще до начала съемок. Актера Роберта Златоуста находят повешенным на дереве. Капитан милиции Илья Дозморов и следователь Михаил Варчук уверены: это тщательно спланированное убийство, замаскированное под суицид. Но кому помешал малоизвестный артист? Явного повода для расправы нет ни у кого из его окружения. Тем временем происходит еще одно убийство: зарублена топором отдыхавшая в санатории девушка. Сыщики теряются в догадках — связаны ли эти происшествия между собой? Постепенно у следствия рождается версия, на которую, как на кровавую нить, нанизываются все последующие события... Уникальная возможность на время вернуться в недавнее прошлое и в ощущении полной реальности прожить вместе с героями самый отчаянный отрезок их жизни.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-255112-3

© Шарапов В. Г., 2026

© Эксмо, 2026

Содержание

Пролог	7
Капитаны приходят и уходят...	9
За два дня до убийства	13
Конец ознакомительного фрагмента.	20

**Валерий Георгиевич Шарапов,
Алексей Васильевич Мальцев
Убийство
Дубль первый**

* * *

© Шарапов В., 2026

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2026

Пролог

Она стала привыкать к одиночеству.

Поначалу просыпалась ночью, шарилась привычно рукой в темноте справа, потом слева. Когда, осознав и вспомнив все, что свалилось на нее в последние недели, начинала содрогаться всем телом, утыкалась головой в подушку, гасила рыдания, как могла. Случалось, даже коло-тила руками по софе, на которой спала, как будто этим можно было что-то исправить.

Дура! Раньше надо было думать, делать выводы и что-то предпринимать!

Но раньше она была как слепая.

Сейчас, когда прошло несколько месяцев после того кошмара в санатории, она ночами почти не просыпалась. Если просыпалась, то садилась, долго с закрытыми глазами сидела на софе, потом вставала, шла в ночнушке на кухню, включала свет, ставила чайник на плиту, открывала холодильник...

Для кого ей сейчас фигуру блюсти?

Мужа посадили на восемь лет! За эти годы столько может всего случиться! Например, небо свалится на землю, сама Земля сойдет с орбиты и улетит черт знает куда! Восемь лет – целая вечность!

Помнится, когда судья, худощавая женщина в возрасте, зачитала вердикт, потом закрыла папку, подняла взгляд на нее и как-то посмотрела так... Словно хотела что-то сказать.

Сейчас впереди – полная неизвестность. На работе все осточертело. Коллеги стараются вести себя ровно, индифферентно, не переступая черту дозволенности.

Детей они с мужем не завели, посчитали, что сперва надо пожить для себя. Она поначалу еще сомневалась в правоте этого суждения, потом грянула перестройка, из магазинов стали постепенно исчезать все товары. Не до детей стало.

Похожие друг на друга дни медленно складывались в недели, недели – в месяцы... Тошно!

Правда, кое-что еще есть, осталось... Его последние слова, сказанные тогда в санатории, которые она помнит до сих пор. Тогда их проигнорировала, дескать, ерунду несешь, бред, око-лесицу...

А теперь понимала, что это – единственное, что их связывает. То, что было до того, и это, что наступило после. Интересное, насыщенное эмоциями прошлое и тухлое, ни о чем, настоящее.

Вокзал, камеры хранения. Номер камеры, шифр. Разбуди ее среди ночи, изваяй в снегу, окати ледяной водой – она повторит их без запинки.

Хватит! Она ждала долго. Сегодня она разрубит этот узел.

За окнами – конец декабря, елки по городу продают, бенгальские огни, скоро – новый, 1989 год наступит, а она все ждет чего-то. Сколько можно!

Выйдя на улицу, поежилась. Навстречу попался сосед, живущий двумя этажами выше. Пусть не поздоровался, отвел взгляд в сторону, но все равно хорошо. Мужик первым попался навстречу! Не баба! Значит, повезет!

Ехала в битком набитом трамвае, вышла на остановку раньше, побродила по парку. Все как советовал муж. Оглядывалась по сторонам, присматривалась. Все как обычно – городская суета, мельтешение лиц, спешка.

До железнодорожного вокзала дошла пешком, поскользнулась, чуть не растянулась во весь рост у киоска «Союзпечати», вот был бы кадр! Пошла за кладом, а схлопотала перелом. Но, слава богу, все обошлось.

Вокзал встретил гамом, суетой, толчеей. Если какие-то сомнения у нее и были, они тут же испарились в одночасье. Кто за ней тут следит? Кому она нужна? Сотни спешащих пассажиров

с чемоданами и сумками, причем в разных направлениях, туда-сюда... Очереди у билетных касс.

Вот и камеры хранения. Та, что нужна, – во втором сверху ряду, восемьдесят четвертая, год их свадьбы.

Год их свадьбы... На глазах выступили слезы, но она тотчас смахнула их. Сейчас не время предаваться плаксивым воспоминаниям! Сейчас время действовать!

Для того, что окажется за дверцей, у нее приготовлен обычный неброский пакет. Чтобы быстро переложить из камеры то, что там окажется.

На всякий случай еще раз осмотрелась. Обычная суета, все открывают-закрывают дверцы своих камер... Все под контролем...

Шифр «B154» она прекрасно помнила. Не спеша набрала букву, первую цифру, вторую, третью. Вот он, долгожданный щелчок. Как она ждала этого момента!

Значит, все получилось, и она сейчас увидит то, ради чего ее муж рискнул свободой... Дверца открылась.

В темноте лежал небольшой предмет, напоминающий завернутую в крафт-бумагу небольшую коробку или шкатулку. Она потянулась за ним, держа наготове пакет, достала...

Что произошло дальше, так и не поняла. На миг все вокруг осветила фотовспышка, потом еще, еще... Ей показалось, что в ближайших камерах так называемые пассажиры прятали свои фотоаппараты. Разом их вынули и начали щелкать.

Она как парализованная стояла, прижимая к груди сверток, и в первые секунды не могла двинуться с места. Из толпы к ней подошел коренастый мужчина в штатском, которого она узнала.

– Ну наконец-то! Понятые, прошу сюда, – выдохнул он устало. И улыбнулся. – А мы собирались в новом году уже снимать наблюдение. М-м-да...

Капитаны приходят и уходят...

Капли лекарства, летящие из пузырька в стакан, что подрагивал в руке главврача санатория Зиновия Яновича Желанова, словно упущенные минуты, отзывались болью в голове капитана Дозморова. Они уже четверть часа сидели друг напротив друга: опытный опер и главврач – и не могли прийти к общему знаменателю.

Дозморов продолжал напирать на беднягу, несмотря на то что у Зиновия Яновича покраснело лицо и начала слегка дергаться правая щека. Вообще, главврач напоминал ему в этот момент Водяного из мультика про летучий корабль: отечное лицо, выющиеся седые волосы, несколько подбородков, тонкие руки. Не хватало только шляпы, которую можно было легко дорисовать в воображении.

– Поймите же наконец, у нас убийство! А вам не терпится в перестройку поиграть! – выстреливал оперативник фразу за фразой, барабанил пальцами по папке, которую всегда носил с собой. – Хотите изобразить гласность, чтоб все демократично прошло? Понимаю... Но это не тот случай! Тут важно все делать оперативно.

– Это вы меня поймите, товарищ капитан. – Добавив в стакан воды из графина и тщательно взболтав полученную смесь, главврач выпил ее в два глотка. – Многие только что вернулись с завтрака, а вы хотите на них обрушить такое. Это сердечники с гипертониками, астматики с диабетиками... К тому же у вас нет уверенности, насколько я понял, что убийца – в санатории!

– Вы меня откровенным-то чудовищем не рисуйте! – теряя терпение, Дозморов поднялся со стула, на котором сидел, полагая, что, возвышаясь над сидящим Желановым, он будет выглядеть более убедительно. – Ничего я не собираюсь на них, как вы говорите, обрушивать... От вас требуется одно: срочно предоставить мне список всех отдыхающих по комнатам и этажам. Он имеется в любом санатории. И обеспечить доступ, не мешать оперативникам. До обеда чтоб никаких процедур...

– Простите, как вас по имени-отчеству, – сделав глубокий вдох, поинтересовался главврач.

– Илья Авдеевич.

– Илья Авдеевич, список сейчас секретарь принесет... Что значит – никаких процедур до обеда? Вы представляете, что тут поднимется?! Жалобы начнутся, недовольства... Поэтому я все же... предлагаю... Нет, я настаиваю... собрать отдыхающих сначала в актовом зале и разъяснить, что произошло ночью, по-человечески, мягко... Впрочем, вы не врач, вам это не понять...

– Не понять... Куда уж мне... – мотнул по-лошадиному головой капитан. – Напоминаю еще раз: это убийство!

– Так убитого уже не вернешь! – стоял на своем Желанов, выпучив на капитана глаза, которые и без того были навывкате. – А вы хотите, чтоб еще... последовали... жертвы... Они ведь будут на вашей совести! Неужто не понимаете, что это кошмар, шок! Для подавляющего большинства! Не припомню за свою долгую деятельность на этом посту ничего подобного, это ж... Немыслимо!

Дозморов решил прервать поток ненужных эмоций:

– Зиновий Янович, сколько человек отдыхает в санатории сейчас?

– Что?.. Э-э-э... Двадцать один, кажется, – споткнувшись на ровном месте, с трудом вспомнил главврач. – Не считая съемочной группы, разумеется. У нас не совсем санаторий, скорее, профилакторий. Мы фактически являемся подразделением завода... «Гермеснефтемаш». Это уж для москвичей мы обозначились как санаторий, им так привычней.

– Все равно народу мало... Кот заплакал...

– Так вам же легче искать... этого... убийцу. Если он, конечно, прячется у нас, во что лично я не верю!

– Не факт, не факт...

– Кстати, и постановления на обыск у вас нет, – как бы между прочим заметил Желанов, тряхнув обоими подбородками.

– Мы пока не собираемся никого обыскивать, мы просто хотим допросить... Для начала. А постановление будет, не сомневайтесь. Так почему, говорите, народу так мало?

– В конце августа всегда так, – словно извиняясь, проговорил Желанов и пожал плечами. – Неделью назад закончилась последняя детская смена. У нас обычно ремонт в это время. Нынче руководство предприятия... решило, что хватит одной генеральной уборки. Никаких бригад не выделило. В общем, имеем то, что имеем. Именно из-за того, что у нас такой... недокомплект, к нам и пожаловала съемочная группа Одесской киностудии.

– Да мне хоть из Москвы, – бросил небрежно капитан. – Повторюсь: сейчас главное – оперативность. Съемочная группа, я так понимаю, у вас тоже впервые?

– Правильно понимаете.

– А жалобы – это так, мелочи, издержки производства, к ним я привык. Если бы я на каждую жалобу обращал внимание...

В этот момент раздался стук в дверь и полноватая, восточного типа брюнетка, царственно прошествовав мимо капитана, положила перед главврачом несколько отсканованных листов бумаги.

Пробежав глазами каждый, Зиновий Янович развел руками и протянул листки Дозморову.

– Вроде все разборчиво.

– Благодарю вас за оперативность. – Не глядя, капитан спрятал бумаги в папку и направился к выходу, оставив главврача наедине с секретарем. – Приступаем к работе. Не забудьте: до обеда никаких процедур! Мы постараемся уложиться.

Оказавшись на улице, он сперва направился к милиционерскому «уазику», потом остановился, оглянувшись на пятиэтажное здание санатория.

Что лучше: запретить всех по камерам, пардон, по комнатам, и вызывать каждого на допрос по очереди или – пройтись по комнатам, побеседовав с глазу на глаз, проследив, чтоб никто при этом не общался друг с другом? Если что – персонал санатория можно привлечь к этому делу, хотя... Сотрудники санатория тоже теоретически подозреваемые. Никуда от этого не деться. М-да, вопросы, вопросы...

Короче, придется импровизировать.

В голову капитану лезли мысли – одна крамольней другой. По сути, санаторий – своего рода большой СИЗО, даже замки врезаны. Пусть ключи находятся не у надзирателей, а у самих заключенных, в смысле отдыхающих. Среди которых, кстати, запросто мог затесаться убийца. Хотя... не факт.

Все умные сейчас! Детективов зарубежных начитались... Чандлеров-Чейзов всяких. Вооружены до зубов. Хлебом не корми – дай органы правопорядка покритиковать. Как же, гласность!

Но сегодня с утра для них начнется другой отсчет времени. Кто-то знает, кто-то еще нет, но скоро обязательно узнает. Подобные новости разлетаются в мгновение ока.

Что делать, граждане, придется смириться.

Главврача, кстати, понять можно: капитаны Дозморовы приходят и уходят, а ему тут работать. Опергруппа народ «взбуктенил», дров наломает, шороху наведет. Убийцу, может, поймут, а может, и нет. А руины после себя оставят – к гадалке не ходи!

Поэтому Желанов и пьет лекарства и настаивает на общем собрании. Оно и понятно: перестройка, гласность... Все по-новому! В масштабах одного, так сказать, отдельно взятого санатория. Людям надо объяснить, посмотреть в их глаза... Чтоб без утайки...

Капитан Илья Дозморов был уверен: по большому счету это непозволительная роскошь, потеря времени, пробуксовка, утрата внезапности.

У них труп! Молодого мужика вздернули на березе! Ночью! С кляпом во рту. Грибники обнаружили утром.

Конечно, не обязательно, что виновник – кто-то из отдыхающих санатория, хотя шансы на то велики. Неподалеку река, беседка, редколесье. Убитый мог с рыбаками повздорить, с местной шпаной схлестнуться-поцапаться опять же... Но вешать из-за этого на березе – что-то из области фантастики. Нет, тут другое. Что именно – предстояло выяснить.

Опергруппа работала слаженно и четко: быстро сняли труп, эксперт Эренбург щелкал своим «Зенитом», какой-то незнакомый следователь Варчук допрашивал тех, кто обнаружили труп в лесополосе, вел протокол.

Илья там все осмотрел: никаких кострищ, палаток, подозрительного мусора. Только пара окурков сигарет «Родопи» рядом с трупом. Курил ли убитый – неизвестно, а вот обнаружившие труп грибники – точно нет.

Сакраментальная фраза «Я его по телевизору видел» прозвучала, когда следователь практически заканчивал работу на месте происшествия. Опознал труп старший лейтенант Шакирьянов. Молодой, глазастый... Телевизор смотрит! Опытных опера со следаком, выходит, за пояс заткнул!

Убитым оказался Роберт Златоуст, исполнитель главной роли в пока еще не снятом фильме. Появился актер в санатории «Акамед» накануне утром вместе со всей группой, а сегодня найден повешенным. Такая вот нехитрая двухходовка.

Ни свидетелей, ни особых улик. Кроме окурков, разумеется.

Интуиция подсказывала капитану, что причину конфликта надо искать внутри санатория. По идее, следовало провести там качественный шмон, но санкцию в столь ранний час получить не представлялось возможным. К тому же что искать – оперативники пока не очень себе представляли.

В санатории огромное количество комнат, лечебных кабинетов, всякие холлы, актовые залы, соляные камеры, столовая, бассейн, хозяйственные помещения.

Что Златоуста погнало на ночь глядя в лесополосу?! Может, не его одного, может, с подругой... Или встречу кто назначил? Все вышеперечисленное предстояло выяснить, работы – непочатый край. Вопросы толпились в голове капитана, словно горожане на остановке в час пик.

Нет времени трепаться с трибуны, товарищ главврач! Действовать надо!

Судмедэксперт, Глеб Эренбург, когда сняли труп, прикинул, что в петле парень практически «переночевал» – где-то с двадцати четырех ноль-ноль. Видимых следов борьбы на теле обнаружено не было. Остальные подробности, понятное дело, будут после вскрытия.

Веревка была привязана к толстому березовому суку, перекинута вверх через крепкую ветку. Сам бы Златоуст так изловчиться и повеситься никак не смог, поэтому версию суицида Дозморов отмел сразу же. Ясно, что убийца обладал недюжинной силой – повесить на такой высоте отнюдь не худого парня под силу далеко не каждому.

Насколько оперативникам удалось выяснить, съемочная группа приехала в санаторий буквально накануне. Якобы вокруг – подходящие места для съемок нового сериала. Кстати, снимать собирались детектив!

Подходя сейчас к «уазику», Дозморов печенкой ощущал, какая возня началась в санатории с его уходом. Звонки главврача, то-се... Там подчистить, тут подшлифовать... И все – срочно, сей же час! Одна нога здесь, другая там. Как это знакомо!

Еще бы! В кои-то веки в твой санаторий пожаловала съемочная группа, и в первый же день съемок повесили на березе исполнителя главной роли. Тут у любого нервы сдадут!

Зиновию Яновичу не позавидуешь!

* * * *

– Значитца, так, – усевшись рядом с водителем, Дозморов на коленях раскрыл папку и протянул одну из ксерокопий назад. – Это списки всех отдыхающих. В том числе и съемочной группы. Думаю, правильной будет двигаться по комнатам, а не вызывать каждого. Я по второму этажу, это отдыхающие, ты, Шакира, по третьему, это съемочная группа. Покойничек жил в триста пятой, насколько мне удалось выяснить.

– Ясно. – Сидящий прямо за капитаном старлей-крепыш Равиль Шакирьянов, опознавший, кстати, повешенного, пробежал своими раскосыми глазами полученный список и цокнул языком: – Ух ты, сколько женских фамилий, а симпатичные есть? На что обращаем внимание?

– Не присматривался пока... Это я насчет симпатичных... – Капитан кашлянул в кулак и обернулся. – Ты бы посерьезней! Вчера вечером была дискотека, приехавшие киношники познакомились с местными. Думаю, что-то пошло не так. Представляешь, какой замес мог быть? Вот на это и обращай внимание! Надо выяснить, что на этой дискотеке произошло. Она продолжалась где-то с восьми до половины десятого. Кто куда после дискотеки направился, кто что видел... Местонахождение каждого в районе с одиннадцати до полуночи или около того. Конфликты, споры, драки... Да что я вам тут...

– А нам с Ухналем что делать? – поинтересовался водитель, веснушчатый усатый Борис Зотов.

– А вы с Ухналевым – на стреме... В смысле смотреть, чтоб во время допросов никто по коридору не шастал. Особо настойчивых и наглых...

На этом месте капитан специально сделал паузу, чтобы Ухналев мог выплеснуть свою традиционную тираду:

– Мордой в пол и браслетить, браслетить...

Когда стих хохот в машине, Дозморов, изо всех сил подавляя улыбку, разъяснил:

– Не в пол, а на особый контроль! Завтрак уже прошел, процедур до обеда никаких быть не должно. Туалеты у них в номерах, так что... ни под какими предложениями.

– А что значит «Акамед»? Ну, название профилактория, – подал сзади голос очкарик Ухналев. – Академическая медицина?

– Черт его знает, – пожал плечами Дозморов. – Вот и поинтересуешься заодно. Я не в курсе. Все, вперед и с песней. Да шевелитесь, вы ведь не с дежурства!

Все четверо тотчас покинули «уазик» и направились к входу в профилакторий.

За два дня до убийства

– Скажите, доктор, легкое головокружение после йодобромной ванны – это... ничего? Нормально? – Олег Хмельницкий вставил прилагательное «легкое» исключительно для того, чтобы его лечащий врач Самсон Львович не отменил ванны совсем.

С него станется! Олегу вспомнился утренний рассказ Харитоныча в бильярдной. Тому доктор Блюмин не моргнув глазом отменил душ Шарко, стоило бедняге пожаловаться на сердцебиение после процедуры.

А уж Харитоныч-то – богатырь богатырем, не то что он, страхелатина.

Хотя, с другой стороны, «заштормило» Олега после ванны капитально. Даже спешащая навстречу соседка, кстати, супруга Харитоныча Вероника, задержалась, видя его шаткую походку, и поинтересовалась, все ли у него в порядке.

– Так говорите, батенька, обнесло голову после ванны? – Блюмин взглянул на него поверх очков, перестав писать в истории болезни. – В глазах потемнело? Может, накатила тошнота? Сердечко кувыркнулось?

– Что вы, Самсон Львович, какое сердечко?! – как можно небрежней заметил Олег, заерзав на стуле. – Так, слегка повело, даже приятно.

Руки доктора тем временем автоматически «укутали» плечо пациента в манжету тонометра, а дужки фонендоскопа, как по мановению волшебной палочки, «запрыгнули» в поросшие седым волосом докторские уши.

– Сто десять на семьдесят, – сообщил после измерения Блюмин без каких-либо эмоций. – Гипотензивное что принимаете? Раунатин? Адельфан?

– Полтаблетки кристепина утром, – понуро ответил Олег, словно признаваясь в чем-то нелицеприятном.

– Уберем, не нужно пока. – Авторучка снова забегала в истории, оставляя за собой неразборчивые иероглифы. – Микстура Равкина на ночь, и хватит с вас химии. Не забывайте, мы в профилактории, то есть должны отдавать предпочтение физическим факторам. А ванну... сделаем по первой схеме, более щадящую, концентрацию йодоброма поменьше и... не такую горячую.

Вышагивая по коридору в сторону лифта, Олег мысленно перекрестился: «Ты хоть понимаешь, что тебе повезло, Хмельницкий, этот... узурпатор мог запросто лишить тебя удовольствия, а так... глядишь, еще понежишься, побалдеешь. В кои-то веки оторвался от своего нефтепогружного оборудования, дебитов скважин, пластового давления... Гм, даже вспоминать не хочется».

Жена Зоя в номере только взглянула в его санаторную книжку, сразу же скривилась, отчего ее роговые очки едва не свалились с миниатюрного носика:

– Кто тебя за язык тянул? Подумаешь, голова, видите ли, закружилась. Эка невидаль! Мужик называется.

– Так ведь оставили же! – попытался возразить Олег. – Не убрали!

– Ну ты ослик! Схему другую Самсончик прописал, не тот кайф! Это все равно что водку в два раза водой развести... Так понятней? А, да разве ты в этом что-то понимаешь! Я тут перед тобой распинаясь, а тебе что в лоб, что по лбу! – Жена внезапно притихла, прислушалась, поманила пальцем мужа, дескать, наклонись поближе, и продолжила вполголоса: – Эту схему называют пенсионной, только дряблым старухам вроде нашей соседки Парамоновны назначают.

– Я бы ей вообще не назначал ничего, – приглушенно заметил Олег, подходя к двери и прикрывая ее, так как знал, что соседка, оказавшись она в «предбаннике», запросто может их

услышать. Вернувшись, продолжил шепотом: – Того и гляди коньки отбросит. Вот я – другое дело. Чуть не вырубился!

– Ну не вырубился же! – С этими словами супруга уселась на кровать, закинув ножку на ножку, при этом ее и без того короткий халатик вздернулся совсем уж до неприличных пределов, обнажив чуть полноватые бедра.

Увидев открывшуюся красоту, супруг невольно залюбовался, подумав, что роговые очки, из-за которых Зоя периодически комплексовала, ей очень даже идут, придавая определенный шарм и даже сексуальность. Этакая непокорная выпускница медучилища, к примеру, которую ему все никак не надоест «покорять». Через минуту он опустился перед женой на колени и промурлыкал:

– Хватит... о ерунде всякой, лучше скажи, где ты была все утро. – С этими словами его руки скользнули жене под халатик, но были тотчас выдворены оттуда. Получив резкий толчок в грудь, Олег потерял равновесие, повалился назад и вскоре приземлился на пятую точку.

– Думаешь только об одном! – процедила сквозь зубы супруга. – Где была? В очереди у «Союзпечати» на углу. За «Огоньком»! Донбасс бастует, дети СПИДом заражаются, в магазинах шаром покати, а тебе бы все под юбку...

С этими словами она потянулась за только что купленным свежим номером журнала, а Олег, поднявшись с пола, хмыкнул:

– Во-первых, не под юбку, а под халат, а во-вторых, если бы я знал двадцать лет назад, что ты настолько уйдешь в политику, то хорошенько подумал бы, прежде чем... совать голову в этот хомут, то бишь идти с тобой в загс.

Он ожидал бурной реакции на сказанное, но ее не последовало, и, потоптавшись, Олег покинул комнату. До обеда оставалось еще полчаса, и он не спеша направился в бильярдную.

Нельзя сказать, чтобы подобная фраза у него вырвалась впервые. Нет, супруги в последнее время частенько скандалили, и он за словом в карман не лез, рубил сплеча. Как это ни печально, романтики в отношениях оставалось все меньше. Особенно со стороны супруги, Олег еще периодически «воспламенялся», но ответного пламени не чувствовал. То, что в молодости в Зое восхищало, сейчас, на рубеже серебряной свадьбы, скорее раздражало. Взять хотя бы родинку на подбородке...

Мысль о родинке жены настигла Олега akurat перед самой бильярдной.

– Какие люди! – приветствовал вошедшего смуглый, узколицый, с сединой на висках Игорь Рыбалко, которого Олег про себя сразу же прозвал Харитонычем. – А я тут молодежь учу забивать «свояки», но, похоже, наука впрок не идет. То перекрут, то недокрут...

Под молодежью подразумевался чуть покрасневший от смущения Эмиль Каримов, длинноволосый долговязый парень, отдыхающий в санатории со своей очаровательной девушкой Лионеллой. За глаза их с первого дня прозвали «Ромео и Джульетта».

Когда Олег приблизился к бильярдному столу, Эмиль как раз целился по шару, но отчего-то разволновался, ударил неуклюже и промазал.

– За промах полагается один шар выставлять, – строго напомнил Хмельницкий, посмотрев на этажерку с полками для шаров. – Но так как у нашего героя еще пока нет ни одного, послушаем, что скажет его противник.

Коренастый Игорь добродушно усмехнулся:

– Забудем, никакого промаха не было.

С этими словами он спокойно одним ударом загнал два шара в угловые лузы.

– Однако партия! – констатировал Олег и потянулся уже за шарами, чтобы расставить их для новой партии, как в бильярдную с грохотом влетела сногшибательная, совсем еще юная жгучая брюнетка Лионелла, девушка Эмиля.

– Вот как чувствовала, что ты здесь... Что, опять продул? – громко поинтересовалась она, покачивая своей миниатюрной головкой. – И в который уже раз?

– Да, Игорь Харитоныч сегодня в ударе, – потупившись, попытался оправдаться ее парень, потрясывая своими патлами. – Разделал меня под орех. Но у меня еще все победы впереди.

– Игорь Харито-о-оныч, Игорь Харито-о-о-ныч, – передразнила она его, разведя руками, стуча каблучками вокруг бильярдного стола. – У тебя одно оправдание.

Все трое мужчин в этот момент не сводили глаз с юного создания, которое приблизилось к победителю и легонько ткнуло того кулачком в мускулистый живот:

– А Игорь Харитоныч, кстати, мог бы и поддаться иногда... Так, для разнообразия. Ни к чему лишний раз подчеркивать свое превосходство в классе!

Сказав это, она кокетливо исподлобья взглянула на Рыбалко, который, видимо, чтобы скрыть конфуз, начал «мелить» свой кий.

– Еще чего, – уязвленно вспылil длинноволосый. – Мы в снисхождении не нуждаемся, мы гордые!

– Угу, я вижу, – кивнула девушка, приближаясь к Каримову. – Всухую продуть с гордо поднятой головой – это да! Это по-нашему.

– Ничего, в следующий раз будет непременно «в мокрую». – Попытался погасить совершенно ненужную перепалку Олег. – Кстати, может, и вы, Лионеллочка, забьете пару крученых «Курвуазье»? А может, и удар Лемана забабахаете?

– Вы нас своей шпаной не пугайте, – взяв свою девушку буквально в охапку, Эмиль направился к выходу. – Мы сами с усами.

– Где твоё самолюбие, – надув губки, Лионелла уперлась локтями парню в грудь, но тот и не думал отпускать ее. – Запомни, мне нужны только победители, мне только они интересны, на меньшее я не согласна.

Едва за молодыми закрылась дверь, Олег посмотрел на часы и хмыкнул:

– Сколько пустой болтовни, однако! Кстати, она на тебя так посмотрела, на меня молодежь давно так не смотрит.

– На меня пока смотрят, – рассеянно заметил Рыбалко, катая шары по зеленому сукну. – Представь, сядет такая впервые за руль, юбочка мини, колготки в стиле «я не простужусь», блузка на груди вот-вот расстегнется, и как начнет своими туфельками-лодочками газ с тормозом путать!..

– Да, у вас, инструкторов, свои прелести, – с завистью промурлыкал Олег, потом взглянул на часы и воскликнул: – О, скоро обед, мы рискуем не успеть к горячему борщу.

– Не волнуйся, – заверил Олега Рыбалко, доставая шары из сеток. – Я сейчас тебя быстро «сделаю», и пойдем борщом хлебать. А девочка у этого парня исключительно интересная. Завидую белой завистью.

– Кому? Эмилю? Для того чтобы за девочкой ухлестывать, как минимум надо в профилакторий приехать без жены. Что же касается твоей необдуманной фразы «быстро сделаю»... Ты не забыл, что я не Эмиль и свояки в лузу класть умею?

– Не только в этом я завидую парню, – словно не услышав последние слова Олега, Рыбалко на мгновение замер и покачал головой. – Он молод, горяч, бесшабашен, совершает глупости. Пусть бильярд ему ни к чему, но все остальное – в наличии. В том числе и любовь. Победителем он еще станет, я уверен.

– Что-то тебя на сантименты потянуло, – усмехнулся Олег, нетерпеливо хрустнув пальцами. – Лично я в этом усматриваю попытку оттянуть свой неминуемый проигрыш. Заявляю: не выйдет!

– Хорохорься, хорохорься... Все без толку! – хмыкнул Рыбалко.

Олег установил биток на исходную позицию, прицелился и разбил пирамиду.

В это самое время в столовой его жена Зоя, сняв с кастрюли крышку, принялась размешивать черпаком густой борщ. Усевшаяся напротив чуть полноватая Вероника Рыбалко, бросив взгляд на сновавших туда-сюда официанток, воскликнула:

– Как говорят пессимисты, зал наполовину пуст...

– А оптимисты, стало быть, что наполовину полон? Хотя имеется в виду одно и то же, – закончила за нее фразу Хмельницкая, наливая борщ себе в тарелку.

– Тебе видней, ты, кажется, врач...

– Я не врач, к сожалению, медсестра, хоть и старшая... Наши мужики наверняка в бильярдной, придут не скоро. Наливать пока не будем – вдруг задержатся, борщ остынет.

– Мне всегда было интересно, – взяв у Хмельницкой черпак, Вероника не спешила наполнять свою тарелку, – чем занимается старшая медсестра. У врачей такой должности – старший врач – вроде нет. Есть главврач, но он руководит всей больницей.

– Для руководства отделением есть заведованием, – пояснила Зоя, пожав худенькими плечами. – А я занимаюсь тем, что составляю графики дежурств, отпусков, все лекарства на мне опять же...

В этот момент подошедшая Лионелла, отодвигая стул за соседним столиком, небрежно бросила:

– Ваши мужчины катают шары. Партию только-только начали...

– Я что говорила! – Зоя подняла вверх палец и на мгновение замерла, увидев высокого худощавого мужчину, робко топтавшегося у кабинета диет-сестры. – Это еще что за Аполлон?!

Проследив за ее взглядом, Вероника оценивающе на него посмотрела и кивнула:

– Согласна... Чем-то напоминает Алена Делона в фильме «Тегеран-43».

– Это где Белохвостикову в телефонной будке машиной сбили? – рассеянно поинтересовалась Лионелла.

– Не Белохвостикову, – уточнила с укоризной Зоя, осторожно пробуя горячий борщ. – А ее героиню. Она играла мадам Мари-Луни.

– Какая разница, – с невинным видом пожала плечами Лионелла, равнодушно скользнув по незнакомцу взглядом. – Вы же поняли, о ком я говорю.

Зоя хотела ответить девушке, но наткнулась на неприязненный взгляд подруги и промолчала. Вероника всем своим видом показывала, насколько ей неприятен разговор с девушкой. Наполнив свою тарелку борщом, она уселась напротив Зои и вполголоса пояснила:

– Что эта фифа понимает во французском кинематографе?! Не хватало, чтобы ты с ней обсуждала творчество Бурвиля, Ришара, де Фюнеса... Не говоря уже о Бельмондо и Алене Делоне.

– Между прочим, от последнего в незнакомце и вправду что-то есть.

– Да, пожалуй... Сосредоточенный взгляд, какая-то породистость...

– И профиль, профиль... Кстати, где-то я его уже видела.

– Интересно, где же? – Тонкие брови Вероники удивленно поползли вверх, она даже перестала жевать.

Хмельницкая какое-то время вспоминала, делая вид, что размешивает борщ, потом подняла вверх указательный палец:

– Вспомнила... Профиль... Конечно! Как я могла забыть?! Это известный писатель, месяц назад в нашей библиотеке проходил его творческий вечер.

– Как его зовут?

– К сожалению, не помню... Интересная фамилия. Кстати, на той встрече я купила его новый роман с автографом. Жутко нудная вещь, не понравилось. Не дочитала, кажется...

Подруги так увлеклись разговором, что какое-то время не замечали ничего вокруг. Когда неожиданно над ними склонилась Лионелла, Вероника едва не опрокинула горячий борщ себе на колени.

Насладившись эффектом неожиданности, девушка назидательно отчеканила:

– Между прочим, обсуждать незнакомых мужиков за обедом, когда их собственные мужья режутся в бильярдной, – это моветон, девочки!

Вероника мгновенно справилась с испугом и процедила сквозь зубы:

– Нашла девочек... Ты в курсе, что это слово означает?

– Разумеется, в отличие от вас, кстати!

Вероника уже набрала в грудь воздуха, чтобы достойно ответить, но в этот момент ей на глаза попал золотой дельфинчик, свесившийся с шеи Лионеллы над самым ее компотом, и она на миг забыла все слова.

– Когда ты снимешь эту мерзость со своей впалой груди?

Хмыкнув, девушка вполголоса, чтобы слышала только Вероника, выдала:

– А мужчинам, в том числе и Игорю Харитоновичу, кстати, нравится. И грудь, и та мерзость, что на ней.

– Это он сам тебе сказал? – поинтересовалась Зоя Павловна, чтобы поддержать подругу, так как у той от услышанного, кажется, пропали все слова.

Лионелла повернулась к говорившей и произнесла с таким пренебрежением, что Зоя чуть не подавилась хлебом:

– А вас, медичка с постным личиком, никто не спрашивает. Ваша сиреневая замшевая шкатулка скоро опустеет, так что поберегите силы!

Хмельницкая собралась уже ответить, но в этот момент увидела своего мужа, лавирующего между столами. Следом за ним «бороздил» пространство столовой муж Вероники. Говорить колкости вмиг обеим женщинам расхотелось.

– Кстати, а твой благоверный где? – примирительно поинтересовалась Вероника у Лионеллы, которая в этот момент с видом победительницы возвращалась к себе за стол. – Эмиль, кажется?

– Его культмассовик задержала, – бросила девушка, не оборачиваясь. – Эта, как ее... Генриетта с приветом. По какому поводу – не знаю. Кажется, хочет включить в какое-то выступление...

Вероника видела, что в подруге все буквально кипит от только что услышанного.

– Успокойся, Зоя, – подмигнула она ей. – У нас еще будет время проучить эту выскочку. Кстати, про какую такую сиреневую шкатулку она тут разглагольствовала?

– Это ей лучше знать, – с неприязнью ответила Хмельницкая.

– Тогда проконсультируй меня, – продолжила как ни в чем не бывало Вероника. – Я так понимаю, в кулонах и ожерельях ты разбираешься лучше всех в санатории.

Зоя словно не расслышала последних слов подруги:

– Она, кстати, уже не в первый раз намекает тебе об Игоре. У нее что, с ним роман? Ей этого волосатика мало?

– Не отвлекайся на ерунду...

Продолжить Вероника не успела.

– Девочки, как вы тут без нас? – поинтересовался Олег Хмельницкий, склоняясь над кастрюлей с борщом. При этом его седеющая бородка с усами собрались в одну волосяную трубочку, начисто скрыв рот. – Ой, аромат-то какой! Готов целого кабана съесть, честное слово!

– Обойдешься куриной ножкой с рисом, – осадила его супруга, к тому времени доедавшая остаток борща. – Кабан будет в следующий раз. Мы тут обсуждали нового отдыхающего...

Бросив взгляд туда, где еще несколько мгновений назад в одиночестве перетапывался двойник Алена Делона, Вероника тем временем с удивлением заметила рядом с незнакомцем своего мужа. Мужчины беседовали как старые приятели.

«Вот, значит, как! – пронеслось у женщины в голове. – Иметь в друзьях писателя и мне не сказать ни слова! Пусть и невыносимо занудного... Это ж по Зойкиному мнению, не факт, что

мое будет таким же. А вдруг я буду считать иначе! Еще посмотрим! Писатель – всегда модно, стильно, современно. Идти в ногу со временем, короче! Обновляться надо, господа!»

– Твой-то Алена Делона, похоже, неплохо знает, – хмыкнула Зоя, пригубив стакан с компотом.

– Да уж вижу, – рассеянно отреагировала Вероника, – не все, выходит, мы про своих благоверных знаем. Вечером я ему устрою допрос с пристрастием. И Лионеллочку, фифочку, тоже припомню.

– Да брось ты... Эту вертихвостку в расчет не бери. И смотри не переусердствуй, лучше без пристрастия, – укоризненно покачала головой подруга. – Вполне может оказаться, что они приятели по бильярду или в бане недавно парились. А про то, что это писатель, Игорек твой даже не в курсе...

– Разберемся, – отчеканила Вероника, отодвигая пустую тарелку из-под первого, и, прищурившись, поинтересовалась: – Ты вроде как его защищаешь? С чего бы?

– Просто знаю твои методы дознания. Начиталась «гулагов» да «кругов первых» всяких-разных... Тут невинный себя Джеком-Потрошителем почувствует.

– Не любишь Солженицына, а жаль... Достоинно пишет!

Успев к тому времени опустошить тарелку борща, муж Зои решил прервать напряженный диалог двух подруг:

– Ой, девчонки, какую новость я вам на десерт приготовил! Держитесь за стулья!

– Чем ты можешь нас удивить, ослик? – скептически поморщилась его супруга. – Опять выиграл две партии подряд? Или Самсончик тебе вернул крепкие ванны?

– Мелко плаваем, Зайка, это все мелочь по сравнению с тем, что на днях весь третий этаж санатория будет заселен съемочной группой, кажется, с Одесской киностудии. Какой-то новый детективный сериал будут снимать...

– Кончай нам заливать, ты хоть сам-то себя слышишь? – попыталась сбить флер загадочности со своего благоверного Зоя, щелкнув несколько раз перед его лицом пальцами. – Лучше скажи, откуда такая информация.

Поделиться информацией Олег не успел, так как Вероника недвусмысленно улыбнулась и высказала предположение:

– Не потому ли мой Харитоныч не торопится на перекус, что встречает съемочную группу?

– Ты же видишь, твой Харитоныч на подходе, – успокоил Олег супругу своего соперника по бильярду. – Просто встретил своего однокашника, писателя, между прочим.

– Что я слышу? – Сделав вид, что про писателя услышала только что, Вероника схватила стакан с компотом, едва не расплескав его, и сделала несколько глотков. – Игорек в одном классе с писателем учился? И я ничего не знаю? И такое возможно?

В этот момент в зале столовой появилась диетсестра, и двойник Алена Делона, извинившись перед одноклассником, последовал за ней. Усевшись на место за пустым столом, на которое она ему указала, писатель уперся локтями в стол и принялся ждать официантку.

– Приятный всем, сами понимаете, аппетит. – Игорь Рыбалко плюхнулся на стул, едва не сломав его. – Извиняюсь за опоздание. Но, я думаю, Олежа воспользовался моим отсутствием и снял все новостные сливки. Я имею в виду информацию о съемках нового фильма.

– Кстати, Харитоныч, – уточнил его соперник по бильярду. – Как называется этот самый фильм?

– Если мне не изменяет моя склеротическая память, «Выстрел в таежной глуши».

Вы что, меня подозреваете?

Допрашивать известного режиссера старшему лейтенанту уголовного розыска Равилу Шакирьянову еще не доводилось. Спиридонида раскинулся перед ним в кресле, стянутые на затылке седеющие волосы, казалось, чуть заострили смуглые обветренные скулы, несколько

расширяя при этом узкую бороденку. Слегка затуманенный взгляд как бы говорил без слов: «Раз уж мы вляпались в это дерьмо в вашей тьмутаракани, то давай по-быстрому как-то обтяпем все формальности, и я свалю наконец отсюда, забыв все как кошмарный сон».

– Максим Станиславович, – прочитал старлей с листка, который ему только что вручил Дозморов, – все верно?

– Пока верно, – кивнул режиссер, растянув и без того широкое лицо в улыбке, отчего его скулы напомнили Равилю математический знак бесконечности. – Можно просто Макс. Меня все так зовут. Надеюсь, и дальше между нами не возникнет никакого недопонимания.

– Значит, вы главный в съемочной группе, вас все знают, все слушаются... Вы всем руководите?

– Только тем, что касается творческого процесса на площадке, – пояснил Спиридонида с оттенком усталости. – Вообще-то всем руководить должен продюсер, если уж на то пошло, но у нас, в советском кинематографе, эту функцию чаще всего осуществляет Госкино, а его представитель на месте – директор... На деле это проявляется такой...

– Извините, Макс, это мне знать не обязательно, – перебил его старлей, кое-как успевая записывать услышанное. – Итак, сейчас, после того, что свершилось, съемки прервутся?..

– Да, пока, по крайней мере, и насколько это «пока» затянется, одному богу известно. Второго исполнителя роли главного героя у нас не предусмотрено.

– Златоуст работал без дублера? – по-деловому поинтересовался Равиль, но тут же пожалел о своем вопросе, так как Спиридонида нахмурился, всем своим видом как бы говоря: «Господи, с кем мне, мировой знаменитости, приходится общаться!»

– Дублер – это другое. Это замена основного актера при трюковых сценах, во время эротики и так далее... Так вот, я продолжу. Бюджет картины и без того урезан донельзя, и, конечно, никакого второго исполнителя предусмотрено не было... Кто ж знал! Теперь придется сворачиваться. Жанна, мой помощник, уже связалась с Москвой, там все в шоке, на ушах стоят, что называется... Возможно, даже своих следаков пришлют, кстати... Но не факт, не факт... А по нашей части... скорее всего, просто перенесут сроки. Но это уже... совсем другая история и... чисто мои предположения...

Новость про то, что «пришлют своих следаков» из столицы, настолько резанула слух Шакиры, что он брякнул, не подумав:

– Вы были вчера вечером на дискотеке, Макс?

– Да что вы! С ума сошли? – Режиссер даже закашлялся от прозвучавшего нелепого вопроса. – Делать мне больше нечего, как дергаться в полумраке под дешевый музон. Если вы в курсе, товарищ старший лейтенант, у нас на сегодня был запланирован выезд на натуру, благо с погодой фартануло, сами видите, солнышко, безветрие... То, что надо! И я вчера собрал их вечером всех в вестибюле, говоря западным языком, устроил небольшой препродакшн. Все разжевал...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.